

К 70-летию Великой Победы

Л. А. Пергаменщик

Оцепенение как простейшая реакция на опасность — 3

Диалог в школе

И. Р. Винник

К знаниям и ценностям — через инсайт — 11

Замещающая семья

В. Н. Ослон

Концепции психосоциального сопровождения замещающей семьи — 15

Н. Н. Микеня

Модель ПРАЙД в работе с замещающими семьями — 24

Человек в социуме

Е. И. Медведская

Телевидение как «вор» времени жизни — 28

Ключ к себе

Н. Л. Пузыревич

Как пережить трудную жизненную ситуацию — 35

Академический портал

И. В. Ковалевич

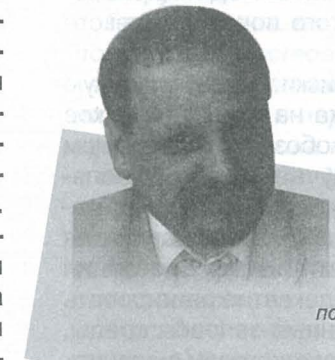
Жизненный мир стареющего человека — 46

Оцепенение как простейшая реакция на опасность

Встреча с неизведанным, неопределенным — всегда вызов существованию. Адаптация к кризисным ситуациям — это борьба за свое бытие, за свое понятное вчерашнее против неизвестного будущего, в котором ты можешь себя не обнаружить.

В данной статье будет рассмотрено оцепенение как метод адаптации к опасности. Содержание феномена «оцепенение» мало изучено в связи с большими методическими трудностями анализа поведения человека в состоянии острого переживания. Отсюда и парадокс — явление «оцепенение» существует без соответствующего объяснения и понимания, благодаря индивидуальному переживанию.

Итак, оцепенение... Обратимся к словарям. Доступные мне психологические словари не помогли. В словаре В. Даля, который часто меня выручал, мы находим следующее определение искомого понятия: **оцепеневать, оцепенеть** — *приходить в бесчувственное состояние или в неподвижность, замирать, остывать, леденеть, твердеть внезапно* [4, с. 775]. Итак, мы получили эскиз, набросок, некое направление поиска, ориентир для дальнейшего анализа. Мы можем уже сейчас дать краткое определение этому понятию:

**Леонид
Абрамович
ПЕРГАМЕНЩИК,**
профессор
кафедры
прикладной
психологии
БГПУ
им. Максима Танка,
доктор
психологических наук,
профессор

оцепеневать означает *приходить в бесчувственное состояние, замирать*. Симптом «бесчувственное состояние» все же метафора, которая устроила бы повествователя, но не редактора научного журнала.

В статье Роберта Джея Лифтона «Адаптация человека к экстремальному стрессу» мы находим параграф с таким подзаголовком: «Психическое оцепенение: разрыв непрерывности «Я»». Автор определяет феномен «оцепенение» как разрыв непрерывности. Вот что он пишет: «Психическое оцепенение останавливает процесс символизации и развития» [7, с. 81]. И далее «Имеется тесная связь между психическим оцепенением и связанным со смертью отрицанием. (Если я не буду

ничего чувствовать, смерть не наступит.) Переживший травму... проходит через обратимую форму символической смерти, чтобы избежать окончательной физической или психической смерти» [7, с. 85]. Итак, мысль Лифтона: оцепенение — форма преодоления тревоги смерти.

Йел Даниели — американский психолог, руководитель проекта психологической помощи жертвам Холокоста и их детям, в списке из шести психологических защит ставит на первое место понятие «оцепенение». Однако операционализация этого понятия в тексте отсутствует [5].

Продолжим поиски. Первоначальную реакцию человека на травматическое событие принято обозначать термином «шок». В этом случае нередко используется и понятие «оцепенение». Категорию оцепенения применяют также для определения длительного состояния невозможности адекватно реагировать на пролонгированные запросы среды. Это уточнение позволяет нам выделить в оцепенении **острый период и хронический период**.

Как видим, результаты поисков оказались недостаточными, чтобы дать содержательное определение данному феномену. Для анализа поведения человека в состоянии «хронического оцепенения» мы привлекли по одному представителю от психологической науки и литературы. Так перед нами оказались два текста как свидетельства жизни. Два необычных человека рассказывают об опыте жизни, используя наблюдения, свидетельские показания, психологическую реконструкцию.

ПОЧЕМУ НАМИ ВЗЯТЫ ИМЕННО ЭТИ АВТОРЫ, ЧТО ИХ ОБЪЕДИНЯЕТ?

В двадцатом веке много свидетелей страшных ликов небытия, не менее талантливых и продуктивных по количеству и разнообразию материала.

Я считаю, что этих авторов отличает поразительная честность: научная и человеческая.

Их объединяет **время** — середина XX века.

Их объединяет **событие** — война XX века, Вторая мировая война.

Их объединяет **бытие**, которое больше похоже на небытие.

Их объединяют **свидетельские показания** человеческого бытия в том его виде, когда сам человек с трудом фиксирует свое местонахождение по линии «жизнь — смерть».

Их объединяет **характер пространства**. Писатель и психолог описывали бытие человека в ситуации замкнутого пространства, откуда нельзя выйти по собственному желанию.

Пространство психолога Виктора Франкла — концентрационный лагерь, пространство писателя Лидии Гинзбург — город, который по некоторым признакам похож на концентрационный лагерь. Вот я и назвал своих соавторов.

МЕТОДЫ СБОРА ИНФОРМАЦИИ

В. Франкл использует наблюдение и называет фамилии своих соавторов, которые участвовали во включенном наблюдении и были одновременно экспериментаторами и испытуемыми поставленного социального эксперимента: Е. А. Козн, Г. М. Гилберт, Е. де Винд, Б. Биттельгейм и другие, всего более 25 исследователей. Психолог в своем анализе старался быть как можно точнее и бесстрашнее, он — ученый [10].

Л. Гинзбург использует в качестве метода психологическую реконструкцию (термин писателя). Она привлекла для исследования своих коллег по ремеслу, которые волею судьбы попали в ограниченное пространство 900 дней ленинградской блокады [3].

В дальнейшем Виктор Франкл будет идти под именем **Психолог**, а Лидия Гинзбург — **Писатель**.

А ПСИХОЛОГ

Методология исследования. Объектом наблюдения является человек в концентрационном лагере. Предметом — психопатология масс.

Психолог пишет, что в *методологическом отношении... попытка психологического анализа сталкивается с определенными сложностями. Психологический анализ требует научной дистанции. Имеет ли, однако, необходимую дистанцию тот, кто сам пережил лагерь, — по крайней мере, в тот момент, когда он делает соответствующие наблюдения?* [10, с. 130].

Если наблюдатель находится на слишком большой дистанции, он может не почувствовать ситуацию. Если же он внутри ее, вжился в нее, находится на чересчур малой дистанции, то он выходит из статуса исследователя, который должен иметь возможность и способность **отстранения**. (Отстранение — ключевое слово; в дальнейшем оно вошло у Франкла в теорию логотерапии).

Психолог считает, что в данном анализе следует ввести допущение, так как мерило, которое прикладывалось к деформированной жизненной реальности, само являлось искаженным: *«Искаженный метод исследует искаженный, деформированный мир... Может быть, это и есть самый адекватный диагностический психологический метод в данной ситуации? Ведь является же сумасшествие эффективным способом приспособления (адаптации) к миру, который сошел с ума»*.

Психолог продолжает: *«В концлагере само бытие человека было деформировано. Эта деформация приняла такие масштабы, что не могут не возникать сомнения в том, что наблюдатель, если он сам находился в лагере, мог вообще сохранять достаточную объективность своих суждений»*.

Ведь в психологическом отношении его способность судить о себе или о других должна быть неминуемо нарушена» [10, с. 130—131].

Но чтобы иметь хоть малейшее представление о лагерной жизни, надо иметь личный опыт. Психолог цитирует своего коллегу по психологическому цеху и лагерной жизни: *«Не могут понять жизнь в этом мире те, кто никогда не жил в нем. Что мы делаем, когда изучаем человека при помощи созданных психологических инструментов? Мы ставим между собой и человеком колючую проволоку в виде тестов, опросников, анкет и пускаем по ней электрический ток. Нет, тут я перегнул палку, мы гуманные — тока нет, так же, как в экспериментах Малгрема, но испытуемые об этом не знают. Это отступление о наблещившем, так как у меня самого не хватает мужества отказаться»*.

После проговаривания данных допущений приведем результаты включенного **наблюдения** за поведением и психическим состоянием человека в концентрационном лагере.

Итак, признаки **оцепенения** по Психологу.

Первый признак. Обитатель концентрационного лагеря спасается, «впадая в культурную спячку» [10, с. 137]. Человек регрессирует к более примитивным формам поведения, преследуя вполне определенные безальтернативные цели — выжить. В концлагере человека низводили до животного начала, и он «соглашался» — выбора не было. Здесь перед нами вид регрессии как способ самосохранения.

Второй признак. Чувство неполноценности, так как «до заключения каждый из нас был кем-то или, по крайней мере, верил, что был. Но здесь, сейчас с ним обращались буквально так, как если бы он был никто» [10, с. 137]. Что мог противопоставить безличному

обращению человек в лагере? Навязанной извне обезличенности человек мог противопоставить чувство собственного достоинства, которое коренится в высших сферах, в духовной сущности человека. Однако многие ли люди обладали таким устойчивым чувством собственного достоинства? Позже эту личностную характеристику С. Мадди обозначил термином *hardiness* (переведенным Д. А. Леонтьевым как *жизнестойкость* и Н. Ю. Федуниной как *выносливость*) [6; 9]. У большинства формировалось **чувство неполноценности**, которое возникало, рождалось вследствие безличного обращения к человеку.

Третий признак. Психолог замечает, что, когда человек попадает в лагерь, проявляется **феномен «неопределенность конца»**. Ведь никто из заключенных не мог знать, как долго ему придется там находиться. Это было одно из наиболее тягостных психологических обстоятельств жизни в лагере. Бессрочность существования приводит к переживанию утраты будущего. «Один из заключенных, маршировавший в составе длинной колонны к своему будущему лагерю, рассказал однажды, что у него в тот момент было чувство, как будто он идет за своим собственным гробом. До такой степени он ощущал, что его жизнь не имеет будущего, что в ней есть лишь прошлое, что она тоже прошла, как если бы он был покойником. Жизнь таких «живых трупов» превратилась в преимущественно ретроспективное существование. Их мысли кружились все время вокруг одних и тех же деталей из переживаний прошлого, житейские мелочи при этом преображались в волшебном свете» [10, с. 140].

Эффект **«изменения вектора жизни»**: человек не может принять жизнь настоящую и тем более будущую, так как травма преграждает время и пространство личности. Человек живет в прошлом, в будущем для него места нет...

Если принять во внимание преимущественно временный характер, присущий человеческому существованию, становится понятным, что без возможности фиксировать точки отсчета в будущем человек, собственно, просто не может существовать. С утратой своего будущего он утрачивает всю свою структуру, свой внутренний, временный план, свое переживание времени. Возникает бездумное наличное существование, ощущение жизни как внутренней пустоты и бессмысленности. Итак, Психолог зафиксировал признак **изменения вектора жизни** под влиянием **неопределенности конца**.

Таким образом, Психолог предложил включить в понятие «оцепенение» следующие признаки: **примитивизм, неполноценность, изменение вектора жизни**.

Б ПИСАТЕЛЬ

Лидия Яковлевна Гинзбург — литературовед, писатель, отважный человек, автор пронзительного по страсти, честности и мужественности текста «Записки блокадного человека» и нескольких послесловий, среди которых особое для нашего анализа место занимает «Оцепенение» [3, с. 592—598]. Прочитав эти несколько страниц, я сам невольно пришел в состояние, похожее на оцепенение. Точность и чистота текста, описание ею же открытого закона «постстрессового поведения человека на этапе заторможенности воли», — все это уместилось в психологическом эпизоде.

Итак, автор назвал свое произведение «психологический эпизод», как краткий отрезок жизненного пути.

Метод анализа: **психологическая реконструкция**. Писатель анализирует другой текст; он не автор этой жизни, не исследователь, ему нет необходимости вникать в суть, потому что суть не прячется, для ее открытия надо иметь

мужество и терпение услышать, принять и зафиксировать.

Итак, перед нами текст: «Я сидел за бывшим своим рабочим столом, вплотную придвинув стул, тесно зажатый между краем стола и стулом, — **в оцепенении**. Мне поручили сделать ответственный перевод. Этого импульса было достаточно для того, чтобы перо двигалось по бумаге. Но я уже с отвращением думал о том, что предстоит его, перо, обмакнуть или перевернуть страницу. Если нужно было дотянуться до края стола, чтобы взять бритвенное лезвие и очинить карандаш, я продолжал писать затупившимся карандашом или карандашом вместо пера, чтобы не протягивать за пером руку. Дело было не в утомлении, не в истощении... Много месяцев продолжался бег по кругу. Весна принесла нечто вроде остановки; вернее, замедление темпов. И с замедлением открылась болезнь физической лени — особая заторможенность воли» [3, с. 592].

Пример, который привел автор, вызывает недоумение: какие же это надо сделать над собой особые усилия, чтобы обмакнуть перо в чернильницу? Что такое болезнь физической лени? В чем суть этой особой заторможенности? Вся ли деятельность подпадает под эту болезнь? Оказывается, какие-то действия можно было выполнять, а какие-то нет, и между ними — грань не по сложности и трудности, которые должны бы играть важнейшую роль в ситуации физического истощения.

«Легче всего совершать было действия, вызванные неодолимой потребностью минуты или инерцией привычных ситуаций. Психологически проще, возможнее было сходить на другой конец города пообедать или втащить на лестницу ведро воды, чем потянуться за карандашной точилкой. По дорогам к обеду нас влекли могущественные стимулы добывания; ведра,

колка дров были заведенной инерцией, не требовавшей вмешательства воли» [3, с. 592].

Легче выполнять действия, которые вызываются могущественными силами добывания и инерцией привычной ситуации, — сделаем мы вывод вслед за Писателем.

Итак, **оцепенение есть болезнь физической лени или особая заторможенность воли**.

Страх контакта — следующий признак оцепенения. Возникнув на этапе оцепенения, он продолжает свое разрушительное действие и дальше. Происходит снижение положительных аффектов в межличностных отношениях.

«Каждый предмет, не входящий в заведенный порядок дня, требовал каждый раз нового отношения между собой и действующей на него волей. И каждый раз это было мучением. Воля сжималась и цепенела в страхе перед контактом, перед мельчайшим усилием воздействия на мир, ставший источником вечного страдания» [3, с. 592].

«На письма с Большой земли я не отвечал. По многим психологическим причинам. Но главным образом потому, что нужно было возиться с конвертом (в продаже их не было), с покупкой марки и почтовым ящиком. Это были все действия мельчайшие, но не механические, не стертые инерцией, и потому они требовали усилия воли» [3, с. 592].

«Лень была заболеванием воли, с симптомами отвращения и страха перед контактами с миром» [3, с. 593].

Когда же на горизонте нечеловеческого существования появляется предмет, не входящий в заведенный порядок бытия, он «требовал нового отношения между собой и действующей на него волей». Тут начинались мучения: воля сжималась и цепенела перед необходимостью контакта, перед мельчайшим усилием реагировать

на новый фрагмент мира. Все это становится источником вечного страдания. «...Сознание было ушиблено ожиданием страдания, непреодоленной к нему привычкой» [3, с. 593]. **Ожидание страдания парализует волю больше, чем само страдание.**

Еще один признак оцепенения — **дистрофия сознания.** «Дистрофия... ставила человека лицом к лицу с обнажившейся, первобытной двойственностью удовлетворения и страдания». Дистрофия — крайняя форма отлучения от мира, отлучения физического тела от физического мира. Но в дистрофии есть большое преимущество:

она избавляет человека от выбора — истинно человеческого в человеке. Дистрофия освобождает человека от нравственного выбора, нравственного беспокойства.

Травматическая ситуация требует адекватного ответа. Как человек реагирует: выступит с мужеством преодоления или спрячется в скорлупу невротического исчезновения? Еще один способ, который как бы помогает, — это ограничение собственной свободы действия: человек-автомат, роботизация сознания.

Оцепенение — простейший способ реагирования на опасность. Когда

опасность внезапно застигает живое существо и убежать уже нет никакой возможности, оно использует последний способ защиты: притвориться мертвым. Мертвых не трогают в своем большинстве, и смерть в который раз помогает жизни. Мои переживания — это и есть моя жизнь. Оцепенение — первый шаг к не жизни и одновременно эффективный способ борьбы с ликами небытия, так как человек не может жить, не переживая. Тогда он отказывается «видеть» мир, к которому надо себя отнести. Так страстно хотят и одновременно боятся освобождения заложники.

Следующий признак оцепенения — **страх перед будущим.** «Я привык не желать внешнего мира. Когда в сознание прорывалось, что голубеет небо, что есть почки и будут листья, шумящие на ветру, я пугался, я боялся нового времени года, несущего угрозу оцепенению. Я как сумасшедший боялся, что все это кончится. Ведь тогда должно было кончиться странно простое, сведенное к минимуму существование, которое я вел, мучительное и до крайности облегченное» [3, с. 596].

Страх перед будущим и оцепенение от настоящей жизни. Человек не желает будущего, так как с его заторможенностью воли самое страшное — появление нового. Действительно, Писатель прав: только сумасшедший может не бояться окончания оцепенения, а наш герой его боялся, он понимал, что его существование, сведенное к минимуму, дает ему большие преимущества, которых он лишится сразу после освобождения. Будущее несет угрозу, угрозу окончания оцепенения. Страх перед будущим, когда может закончиться оцепенение, заставляет его цепляться за жизнь в оцепенении. Высшее достижение оцепенения — болезнь: «...болезнь, обыкновенная болезнь была бы идеальным состоянием. Сонливое, затуманенное жаром сознание отложило бы все ответы на требования враждебного мира. Болезнь была высшим правом на оцепенение» [3, с. 596—597]. Болезнь позволяла расслабиться в неподвижности, отключиться от ужасного мира. От больного отступали все расстояния, которые он прошел натруженными ногами, все пространство, отделяющее его от дров, воды и хлеба — трех важнейших (других и не было) целеполаганий. Он освобождался от внешнего мира, который приносил страдание. Он освобождался от тела, от опротивевшего, враждебного, страдающего тела, которое больше

не давало о себе знать. «Нечто подобное испытывает пловец, когда, закрыв глаза, лежит на воде, уже не чувствуя воды, и из всех ощущений осталось ему только ощущение глубокого своего дыхания» [3, с. 597].

Человек не хотел избавляться от оцепенения?! Он не хотел тепла и еды? Нет, он хотел всего этого, но во все это надо было сначала поверить, а тело и сознание отказывалось верить в существование другой жизни. Жизненный опыт 900 дней говорил об этом: выход из защитного состояния оцепенения означал конец жизни, и тому 900 000 свидетельств. Неудивительно, что человек изо всех сил цеплялся за состояние оцепенения как за единственную возможность продолжать жить.

Итак, мы закончили читать два документа об одном феномене человеческого бытия — «оцепенении». Пора подвести итоги. И я вдруг обнаружил, что переживания людей середины XX века наслонились на переживания моих современников. Оказывается, и они, мои современники, используют «оцепенение» как эффективную систему адаптации к кризисным событиям, а симптомы «тревожного напряжения» характерны и для нашего времени. И нет той страшной войны, нет концлагеря и города, окруженного в течение 900 дней подобно концлагерю двумя рядами окопов, но возникает состояние оцепенения, как будто оно передается как страшное наследие войны.

Подведем итоги анализа категории «оцепенение», проведенного совместно с Писателем и Психологом.

● Психолог и Писатель «увидели» в состоянии «оцепенения» схожие симптомы, оба обозначили в структуре понятия такой признак, как примитивизм существования, только Психолог назвал это культурной спячкой, а Писатель — болезнью физической лени, страхом контакта.

● В оцепенении присутствуют: обезличенность и чувство неполноценности — оценка Психолога; защитное равнодушие как дистрофия сознания — оценка Писателя.

● Страх перед будущим, который несет угрозу оцепенению, — оценка и Психолога, и Писателя.

● Оцепенение есть эффективная адаптация, простейший способ реагирования на опасность — оценка и Психолога, и Писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М.: Искусство, 1986. — 445 с.
2. Брунер, Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. — 2005. — № 1 (2). — С. 9—30.
3. Гинзбург, Л. Я. Оцепенение // Человек за письменным столом: эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования / Л. Я. Гинзбург. — Л.: Сов. Писатель, 1989. — С. 592—598.
4. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. — М.: 1956. — В 4 томах. — Т. 2. — С. 775.
5. Даниели, Й. Столкновение с невообразимым // Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности / под ред. Г. У. Солдатовой. — М.: Смысл, 2002. — С. 415—429.
6. Леонтьев, Л. Д. Тест жизнестойкости / Л. Д. Леонтьев, Е. И. Рассказов. — М.: Смысл, 2006. — 63 с.
7. Лифтон, Р. Дж. Травмированное «Я» // Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности / под ред. Г. У. Солдатовой. — М.: Смысл, 2002. — С. 78—89.
8. Пергаменщик, Л. А. Кризисная психология / Л. А. Пергаменщик. — Минск: Выш. шк., 2004. — 239 с.
9. Федунина, Н. Ю. Понятия устойчивости к травме и посттравматического роста // Московский психотерапевтический журнал. — 2006. — № 4. — С. 69—80.
10. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. — М.: Прогресс, 1990. — 336 с.

К знаниям и ценностям — через инсайт

Более десяти лет назад в Санкт-Петербурге я принимала участие в педагогической мастерской по истории О. В. Орловой. Путешествовали в советское прошлое: пели песни, описывали плакаты — «получали» за это Ленинскую, Сталинскую премии.

Потом... рассказывали политические анекдоты о Советской власти. Многие были возмущены: «Разве это — педагогика?», но молчали и терпеливо ждали, что будет дальше. А дальше — за все анекдоты и говорившим, и слушающим... «приговор»: 10, 20 лет строгого режима, расстрел. И тягостное молчание, и какая-то даже вина за то, что пять минут назад вспоминали спички по одной копейке и соль по шесть... Потом читали и эмоционально обсуждали и письмо голодающей девочки с ее «спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство», и статистику расстрелов в бывших республиках СССР. Рассматривали, не комментируя, рисунки политзаключенных. И никто уже не был возмущен и не задавался вопросом: «Разве это — педагогика?». Потому что вот он, разрыв между представлением о правде и самой правдой. Не просто разрыв — катарсис. Затем смотрели документальный

Инна Ричардовна ВИННИК,

учитель русского языка и литературы, учитель-методист Сновской средней школы

фильм о строительстве Беломорканала. О том, какой ценой он строился. И плакали. Все. Не только женщины, но и пожилой мужчина, который в начале встречи «проводил», вспоминая молодость, первомайскую демонстрацию и призывал скандировать: «Ура, товарищи!»

Разве раньше никто из участников этого не совсем обычного занятия не слышал и не читал о репрессиях? И слышали, и читали. Но теперь все они эту правду пережили. И поэтому постигли.

Педагогическая мастерская — одна из зарубежных образовательных технологий рефлексивного характера,

адаптированная для постсоветского пространства российскими учеными: И. А. Мухиной, М. Б. Багге, Н. И. Беловой, А. А. Окуневым — и практиками. В Россию идеи Международного движения «Новое образование» в 1990 году привезли А. Басис, О. Басис, Г. Башляр, А. Валлон, М. Дюком, П. Колен, Ж. Л. Кордонье, П. Ланжевен и другие педагоги, психологи, философы. Это технология взаимодействия Мастера — ведущего мастерской — и обучающихся. Она основана на равноправии, сотрудничестве и позволяет участникам прийти к новому знанию или аспекту мировоззрения через собственные переживания и открытия. Это очень важно, так как «развитие становится ключевой задачей педагогического процесса, сущностным, глубинным понятием обучения, связанным с особенностями современного состояния общества» [6, с. 184].

Педагогическая мастерская строится по определенной схеме, этапы логично следуют друг за другом, и менять их порядок нецелесообразно. Часто тема не объявляется Мастером вначале, а возникает, выводится участниками на одном из этапов. Начинается мастерская с *индукции* — эмоционального настроя на занятие, яркого, выразительного, захватывающего. В процессе последующей работы производится анализ и синтез материала (*деконструкция и реконструкция*). Обучающиеся работают самостоятельно (*самоконструкция*), затем — в парах или группах (*социоконструкция*), презентуя результаты работы коллективу (*социализация, афиширование*) и осмысливая эти результаты и сам процесс (*самокоррекция*).

В завершение мастерской организуется *рефлексия*, а при необходимости, если эмоциональное воздействие оказалось значительным, — и *релаксация*. Результатом мастерской, в зависимости от ее типа, является новое знание,

или создание творческого продукта, или коррекция ценностных ориентаций.

Самым главным компонентом и показателем того, что мастерская действительно состоялась, является *инсайт* — «просветление или внезапное осознание в ходе сильного внутреннего переживания» [1]. Это своеобразный *разрыв*, эмоциональное потрясение, основанное на удивлении и открытии разницы, обнаруживаемой ее участником между имеющимся знанием, мифом и новым взглядом на реалии. Это состояние и приводит ее участников к главной цели — самокоррекции.

Инсайт (их может быть и несколько) заранее планируется Мастером — ведущим мастерской, который сводит свое участие к минимуму (лишь фиксирует этапы) и не дает оценку ответам ее участников. Противоречие достигается путем парадоксального содержания, в отличие от обычного занятия, где преподаватель ведет обучающихся к новому постепенно и логично [2, с. 7].

Инсайт — не этап и не всегда центр занятия, но, бесспорно, его кульминация. И его планирование — одна из самых важных и сложных составляющих подготовки к учебному занятию.

Нами разработана мастерская творческого письма «*Такое простое и такое высокое слово*». Обучающиеся работают над обогащением своего словаря, определяя сложные слова с корнем «благо» по их значению (около двух десятков слов). Предполагается, что *инсайт* в процессе такой работы может наступить не один раз. Но главный *разрыв* планируется автором мастерской на этапе осмысления семантического портрета прилагательного «благой». В русском языке оно имеет значения: «хороший», с одной стороны, и «сумасбродный, плохой, дурной», с другой стороны. В старину это прилагательное обозначало еще и «счастливый». Таким образом, происходит знакомство

обучающихся с энантиосемией — способностью слова заключать в себе антонимичные значения.

Далее рассматривается значение слова «благі» в белорусском языке, где оно синонимично словам «дурны», «шалёны». Этим словом называют человека, похудевшего и побледневшего после болезни, а слово «добры» является для него устаревшим синонимом. Получается, одно и то же слово в двух родственных языках называет и позитивное, и негативное. В связи с этим предлагается определить, какое значение заключено в первом корне названия церковного праздника «Благовещанне» в белорусском языке. А значение в нем, вопреки остальным родственным словам, такое же, как и в русском слове «Благовещение», — положительное. Слово «благі» в значении «добры» в толковых словарях белорусского языка имеет помету «устар.». Такая информация, как правило, вызывает у обучающихся удивление, ведущее к внезапному осознанию — *инсайту*. Итогом занятия является написание миниатюры, в которой бы встречались слова «благо» и «блажь». Возможно, к *разрыву* приведет еще и осмысление семантической разницы этих паронимов.

Нами была разработана мастерская построения знаний «*Афанасий Фет "не просто поэт, скорее, поэт-музыкант" (П. И. Чайковский)*». На данном учебном занятии *инсайт* планировался на противоречии между представлением о «солнечной» поэзии А. Фета и фактами его непростого жизненного пути. Давно установлено: то, что прошло через эмоции, становится личным опытом обучающегося и, следовательно, прочным знанием.

На этапе индукции Мастер демонстрирует видеоролики с декламацией стихотворений А. Фета, декламирует сам. Произведения, конечно, подбираются такие, в которых невозможно

угадать мрачное мироощущение поэта, сопровождавшее его в определенные этапы жизни. Поэтому естественно, что среди отрывков, предложенных ведущим мастерской, практически никто не выбирает фетовский — «Смерти». Мастер не дает правильного ответа, а предлагает прочитать и обсудить в группах материалы о детстве, творчестве, личной драме поэта. Именно на этом этапе и происходит *инсайт* — разрыв между сведениями о жизни поэта и мотивами его творчества. Такой путь способствует осмысленному запоминанию, основанному на сопоставлении контрастных сюжетов. И тогда центральный этап мастерской о биографии поэта — не монолог преподавателя, а коллективное озвучивание слайдов презентации обучающимися, заполнение хронологических таблиц-перфокарт [4].

Часто в педагогических мастерских ищут минусы, считая, что в них речь идет не о литературе, а по поводу литературы. С этим можно согласиться, если они строятся формально. Данная мастерская проводилась не только с обучающимися, но и как мастер-класс с преподавателями, причем не только с филологами. И это действительно работает. Ретроспективное тестирование, проведенное в конце учебного года, показало более высокий уровень знаний обучающихся по биографии А. Фета, чем в предыдущие годы, когда изучение жизненного пути поэта проводилось по стандартным схемам [4].

Удачным оказался и *инсайт*, спланированный нами для мастерской творческого письма «*Свидетели немые*». В качестве индуктора преподаватель предлагает вниманию обучающихся два письма (в сокращении). В одном из них есть такие слова: «*Мы не виделись уже девять лет. Твои старые письма желтеют, а твои старые свитера, которые я ношу, уже не пахнут тобой. Уходя, ты сказал: «Счастливо...»*

Я не знаю, как можно быть счастливой без тебя... И еще одно — то, что я почти никогда не говорила тебе, но ты ведь и так знаешь, правда? Я люблю тебя».

Необходимо ответить на вопрос: «Кто и кому пишет?». Большинство высказывают мнение, что это письма девушки любимому человеку. Ведущий мастерской строит работу по алгоритму мастерских такого типа, т. е. через обогащение словаря обучающихся, в итоге должны получиться тексты-письма с указанием адресата и адресанта. После социализации (чтения писем) *инсайт* наступает, когда учитель читает полные варианты писем-индукторов. Первое из них — предисловие к сборнику стихов Р. Рождественского, написанное его дочерью Ксенией: «...Мы не виделись уже девять лет. Уходя, ты сказал: «Счастливы вам, девочки мои»... Я собирала эту книгу не для того, чтобы передать дух времени, и не для того, чтобы еще раз вспомнить о тебе, — я помню о тебе всегда. И не для того, чтобы рассказать кому-то: вот, жил такой поэт, писал стихи, был молодым, а потом умер, а стихи остались. Я просто надеюсь, что тебе понравится. Или хотя бы будет интересно...» [3, с. 40].

Письмо читается полностью. Второе письмо — предисловие к сборнику произведений А. Курильчика, изданное его дочерью Л. А. Курильчик (на белорусском языке). Для обучающихся осознание того, что такие письма пишут дочери своим отцам, становится неожиданностью, открытием, которое позволяет им по-новому взглянуть на свои письма, на их идею и стиль. Многие участники мастерской меняют адресата второго письма, которое пишут на этапе рефлексии.

Правильно спланированный Мастером *инсайт* приведет учащихся через эмоции к открытию, к знаниям,

к новым ценностным ориентациям. Более двадцати лет технология пользуется заслуженной популярностью у творчески работающих преподавателей, ведь «принцип плюрализма, лежащий в основе мастерской, помогает формировать у его участников толерантность, создает условия для личностно ориентированного обучения и развития личности» [6, с. 184]. Конечно, такой подход — планирование эмоций и открытий — может вызвать скептическое отношение. К тому же построение педагогической мастерской требует много времени и сил. Но это именно тот случай, когда цель (она же — результат) оправдывает средства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://psychology.academic.ru>. — Дата доступа: 10.01.2015.
2. Винник, И. Р. Знания — прочные, интерес — стабильный / И. Р. Винник // Настаўніцкая газета. — 2013. — 23 мая. — С. 7.
3. Винник, И. Р. Свидетели немые / И. Р. Винник // Здаровы лад жыцця. — 2013. — № 10. — С. 38—40.
4. Винник, И. Р. Афанасий Фет «не просто поэт, скорее, поэт-музыкант» (П. И. Чайковский): слово о жизни и творчестве А. Фета. Идея гармонии человека и природы как особое постижение красоты и истины / И. Р. Винник, О. И. Койро, Т. А. Коновалёнок и др. // На урок русской литературы с информационно-коммуникационными технологиями: из опыта работы творч. группы учителей рус. яз. и лит. Мин. обл.: электрон. пособие / сост. Е. А. Моховикова. — Минск: МОИРО, 2013.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. / В. И. Даль. Т. 1—4. — М.: Рус. яз., 1998.
6. Орлова, О. В. История Отечества: XX в. / О. В. Орлова. — СПб.: Паритет, 2003.

Концепции психосоциального сопровождения замещающей семьи

(Окончание. Начало в №№ 2,3)

ХОД СОПРОВОЖДЕНИЯ: ПРИМЕРЫ ИЗ ПРАКТИКИ

Пример 2. Экстренный уровень сопровождения замещающей семьи с приемными сиблингами

История семьи

Когда Галина Ивановна — специалист органа опеки и попечительства — к началу рабочего дня подходила к муниципалитету, то издала увидела Наталью Петровну Казаринову с маленьким сыном на руках, которая полгода назад оформила опеку над тремя сестрами. Старшей Вере было 9 лет, средней Маше — 7, младшей Кате — 3 года. Семья была полной и воспитывала двух родных сыновей — Сашу 14 лет и Андрея 4 лет. Отец мотался по командировкам, детьми занималась в основном мама. Галина Ивановна увидела следующую картину: девочки стояли, тесно прижавшись друг к другу. Старшая и средняя угрюмо смотрели исподлобья, младшая плакала, прижимаясь к старшей. Наталья Петровна в страшном возбуждении что-то кричала и показывала на своего сына — на его лице было несколько свежих шрамов.

Из анамнеза. Сестры практически не имели никакого детдомовского опыта. Пару месяцев перед установлением

Вероника Нисоновна Ослон,
зав. лабораторией психосоциальных проблем профилактики безнадзорности и сиротства МГППУ, кандидат психологических наук

опеки они провели в социально-реабилитационном центре. Дети росли с постоянно пьяной мамой и многочисленными не менее пьяными отчимами. Ни одна из девочек своего отца не знала. О детях никто не заботился. Старшей Вере приходилось «вырывать кусок хлеба» у вечно праздноющей что-то компании, чтобы накормить своих сестер. В тяжелые времена, а их было немало, она добывала еду и для мамы, и для ее мужей. Чуть ли не к 6 годам Вера стала главой семьи, к 9 была уже умудренной жизнью. Вместе с сестрами она нищенствовала, воровала, что позволяло семье как-то выживать. Школу никогда не посещала. Один из мужей матери научил ее читать по слогам и немного считать — этим и ограничивалось